

Влх. Богумил

**ДОМАШНЕЕ
СЛАВЯНСКОЕ СВАТИЛИЩЕ
КАК МОЛИЛИСЬ НАШИ ПРЕДКИ**

Издательство **ВЕЛИГОР**
Москва 2017

УДК 1/14
ББК 87.3
Б 28

Влх. Богумил

Домашнее славянское святилище. Как молились наши предки»- М
ТД Велигор 2017, - 748с

Всем, кто возвращается к славянской исконной вере предков – язычеству, родно-верию, – со временем доводится задаться вопросом, как обустроить домашнее святилище, красный угол-кут, божницу, где можно будет славить Богов и Предков, то знаковое место в доме, что будет зримо свидетельствовать о религиозном выборе хозяина жилища. Вопросов может быть и больше, не только по «технической части». Зачем нужна божница в современном доме? Какие сокровенные предметы, помимо изображений Богов и Богинь, она должна в себе хранить? Как и когда проводить перед божницей моления? Эта книга должна помочь понять сокровенный смысл божницы, научить правильному общению с домашним святилищем. Через призму древних воззрений можно подробно узнать о волшебстве, связанном с красным углом дома, и научиться применять его во благо своей семьи. Законы, выведенные пращурами, продолжают работать, невзирая на минувшие века, на политические переломы, на нашествие чужеземной религии. В своем доме человек сбрасывает маски внешнего, вновь становясь собой, и именно здесь есть место и время, чтобы обратить свои помыслы к домашнему очагу, к своему роду, к предкам, к их языческой вере-веданью. Для того и надобна божница...

Подписано в печать 18.01.2017 г.

Формат 60х90/16. Печ.16л. . Бумага офсетная №1 65гр.

Тираж 110 экз. Заказ №

ООО Торговый Дом “Велигор”

г. Москва., м. Партизанская., или ст. Измайловский парк (МЦК)

выход на улицу Окружной проезд дом 12.,

подъезд 1., домофон 20

тел: (499) 166-98-30 8(985) 784-08-16 E-mail: veligor97@gmail.com

Интернет-магазин – WWW.VELIGOR.RU

ISBN 978-5-88875-464-1

© Влх. Богумил Мурин (Рязань, Содружество общин «Велесов Круг»)– текст.

© Ракита (В. Бондаренко) – редакция.

© ООО Торговый Дом Велигор

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Предисловие.....	6
Глава 1. Имена.....	29
Глава 2. Устройство.....	57
Глава 3. Боги на божнице.....	99
Глава 4. Сокровищница.....	156
Глава 5. Этикет.....	204

ЧАСТЬ II

Глава 1. Родины.....	221
Глава 2. Свадьба.....	248
Глава 3. Рекрутчина.....	369
Глава 4. Похоронная обрядность.....	379
Глава 5. Строительство дома. Новоселье.....	424
Глава 6. Календарные праздники: Весна.....	469
Глава 7. Календарные праздники: Лето.....	520
Глава 8. Календарные праздники: Осень – Зима.....	559
Глава 9. Ворожба. Бытовая магия.....	617
Вместо послесловия.....	658
Приложение 1. Названия икон.....	660
Приложение 2. Названия красного угла и божницы.....	662
Приложение 3. Этимология слова «кут».....	669
Приложение 4. Божница и вертеп.....	675

Приложение 5. Домашние молитвы до Богов.....	685
Приложение 6. влх. Велеслав «Слово о трех капищах».....	696
Приложение 7. влх. Велеслав «О трех капищах».....	700
Литература.....	704
Список сокращений.....	746
Об авторе.....	747

Влх. Богумил

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Предисловие.....	6
Глава 1. Имена.....	29
Глава 2. Устройство.....	57
Глава 3. Боги на божнице.....	99
Глава 4. Сокровищница.....	156
Глава 5. Этикет.....	204

ЧАСТЬ II

Глава 1. Родины.....	221
Глава 2. Свадьба.....	248
Глава 3. Рекрутчина.....	369
Глава 4. Похоронная обрядность.....	379
Глава 5. Строительство дома. Новоселье.....	424
Глава 6. Календарные праздники: Весна.....	469
Глава 7. Календарные праздники: Лето.....	520
Глава 8. Календарные праздники: Осень – Зима.....	559
Глава 9. Ворожба. Бытовая магия.....	617
Вместо послесловия.....	658
Приложение 1. Названия икон.....	660
Приложение 2. Названия красного угла и божницы.....	662
Приложение 3. Этимология слова «кут».....	669
Приложение 4. Божница и вертеп.....	675

Приложение 5. Домашние молитвы до Богов.....	685
Приложение 6. влх. Велеслав «Слово о трех капищах».....	696
Приложение 7. влх. Велеслав «О трех капищах».....	700
Литература.....	704
Список сокращений.....	746
Об авторе.....	747

Влх. Богумил

ЧАСТЬ I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предметом нашего исследования будут красный угол (кут) и божница, представляющие в традиционной духовной культуре восточных славян своеобразное пространственно-смысловое единство («*В переднем углу образа*»). Строго говоря, они не являются совсем уж неделимым целым, вполне отчетливо различаясь в ряде моментов. Красный угол значим сам по себе, в силу своего расположения в доме и ориентации по отношению к солнцу. Божница также значима сама по себе, так как именно она служит средоточием священных, обладающих волшебными силами предметов, вещей, являющихся тем или иным образом знаковыми, которые собираются в семье на протяжении многих лет, а нередко и не одним поколением. Но при этом и угол, и полка в нем максимально тесно «проникают» друг в друга. Что красный угол, что божница в культуре равно значимы, и по сути своей, едины как книга и текст, в ней напечатанный, хотя и могут при необходимости восприниматься не вместе. Место в красном углу – почетно, сюда садится хозяин дома или наиболее уважаемый гость: «*В большой угол сажают хороших людей*» (ТБПК, С. 23), «*Ты, сват, постарше меня, так забирайся-ка под богов-то*» (Тенишев 2/1, С. 229), на деревенских посиделках молодежи, приуроченных к храмовым праздникам, в красном углу садился приглашенный музыкант (Громько 1986, С. 242). И в этом случае он оказывается непосредственно под божницей, под покровительством высших сил. На божницу молятся, к ней обращаются взорами и сердцами во время домашних богослужений и других обрядов. И при этом молящиеся обращены лицом к красному углу, а нередко и стоят непосредственно в прилегающей к нему зоне. Почет и святость, красный угол и божница, в нем находящаяся. Одно дополняет

другое: угол – место для божницы, а хранящиеся на божнице святыни наиболее уместно размещать в самой почетной части жилища. И уже нельзя сказать, свадебный каравай или первый сжатый сноп, которые кладут в красном углу, находятся здесь, ибо таким образом этим знаковым символам оказывается сообразный почет, или так их помещают поближе к божнице, под покровительство Богов. Скорее всего, имеет значение всё сразу, без осознанного разделения. Поэтому на протяжении нашей работы оба понятия не будут рассматриваться принципиально отдельно.

И в то же время божница как некое вместилище святынь, которое можно и нужно обустроить в своем доме, будет привлекать более пристальное внимание, потому как угол – это всё же место, точка на плане, и с ним проще и яснее. Божница же в этом смысле много сложнее – как по причине того, что она представляет собой некое сооружение, имеющее неслучайную планировку и символическое значение элементов декора, так и в связи со своим «наполнением» и применением в обрядовой практике. Потому говорить о ней нужно куда подробнее. Обладающие сакральным статусом вещи не размещают по всему дому, что, казалось бы, в некотором смысле логично, но собирают воедино, создавая мозаичную совокупность их. Волшебная сила божницы возрастает по мере включения в нее новых частиц священного – изображений Богов, сакральных по самой сути своей, возжигаемого перед молитвой огня, освященных в великие праздники крашеных яиц, скляниц с водой, соли, угля с праздничных кострищ, песка с берега чтимого озера, щепы от культового дуба, разных оберегов – от корней до когтей, текстов с заговорами... Всё это множество размещается на божнице не в хаотическом беспорядке, безо всякого смысла, но наоборот, каждое находит свое место – как сообразно внутренней логике и устройению домашнего святилища, так и с учетом символики предмета и чутья/виденья обустривающей святое место хозяйки или хозяина. Главное место займет то, что дает основание называть деревянную полочку в углу «божницей», «боговой полкой». Это лики Богов, резные их изображения, ставимые по старшинству/значимости в

Боговом Родеили в покровительстве данной семье. Яйцо-красенку уместно размещать на виду, поскольку нарядно и наглядно, а вот щепу от древа или корень обережной травы (чертополох, герань) можно припрятать на самый задник домашнего святилища (РПК 2, С. 522). Худа от того не будет, а нескромный глаз не углядит. Те из оберегов, что часто пользуются для лечения хвори домашних, на божнице должны оказаться ближе, чтобы быть под рукой; неиспользуемые вообще, но хранящиеся для блага дома– убраны как можно дальше, за пределы досягаемости, туда, где о них можно и забыть.

*Чертополох-оберег за иконой. Рязанская обл., Спасский р-н, с. Федотьево.
Фото С.А. Иниковой 2004 г. (РПК 2, С. 570)*

Мы будем говорить об устройении божницы, о ее наполненности— как смысловой, так и предметной, —о значении красного угла в системе пространства жилища восточнославянских народов, о справляемых здесь обрядах. Данная тема может оказаться важной не

только для последователей возрождающейся веры предков – славянского язычества, родноверия, – но и всех, интересующихся духовной культурой своего народа, своими корнями. Для этого книга будет построена по принципу исследования с поэтапной подачей материала. Первое необходимо, чтобы разобраться в некоторых темных вопросах и ввести читателя в курс дела. Второе – для удобства пользования публикуемыми сведениями. Книга, таким образом, носит в том числе и практический характер. Красный угол и связанные с ним обряды являются частью славянской языческой культуры и именно в таком качестве рассматриваются на страницах данной работы. Наша цель – как можно полнее представить сведения о значении домашнего святилища в жизни наших предков, дабы дать возможность нам самим, их потомкам, обратиться к этому наследию, введя в свой быт повседневную практику обращения к Родным Богам– домашнее, семейное богомолье. Родная вера начинается в сердце и хранится в семье, как исконная духовность. Но говоря о родной вере, об истоках, вместе с тем в книге будут постоянно приводиться названия и имена другой культуры – христианской православной традиции.

Как же так? Как можно упоминать вместе исконное и пришлое, свое и чужое, святоотеческое и вражеское? Как это всё сочетается в пределах книги, нет ли здесь путаницы? Действительно, это важный момент, и обговорить его необходимо как можно подробнее, дабы в дальнейшем у читателя не возникало вопроса, почему автор говорит о язычестве, древних Богах, дохристианских обрядах, архаике, и тут же приводит примеры, где фигурируют иконы, персонажи христианских мифов (Иисус, Богородица, святые), ладан и «осенение» себя знаком креста. Во-первых, такая ситуация обусловлена самим характером работы: необходимо предельно точно следовать источникам, как цитируемым, так и пересказываемым, ибо именно они служат одной из основ для нашей реконструкции дохристианских духовных представлений и обрядов. Впрочем, реконструкции–это громко сказано. Реконструировать в истинном значении этого слова особо ничего не надо, ибо всё лежит

на поверхности. За незначительным налетом христианского, обрядность божницы насквозь языческая. Во-вторых, названия и предметы из христианского канона пришли в обиход прадедов не на пустое место, а заменяя собой издревле существовавшие понятия. Заменяя лишь по имени, звучанию (да и то не всегда), но никак не по смыслу. Иконы, образа, ладан, крест, Христос, Богородица... Всё это – не наше по происхождению, однако в народном православии за всем этим кроется что угодно, только не христианские понятия. Разница столь же велика, как между теорией и практикой. Стоит удалить налет – избавиться от чужеродных терминов, – и незамедлительно обнаружится древняя суть.

Давайте разберемся на конкретных примерах.

Любой, изучавший традиционную культуру восточных славян, в той или иной мере согласен с мыслью, что язычество прекрасно сохранилось в народе, в так называемом «народном православии». Собственно, православия там как раз исчезающе мало – только внешняя оболочка, под которой прячется кипучее ядро вечно живого язычества. Красный угол и проводимые в его пределах обряды относятся как раз к языческому наследию, и имеются все основания утверждать, что идея и образ божницы ни в коем разе не христианские. С одной стороны, апологеты христианского культа в своих произведениях этот момент – поклонение перед домашним святилищем – никак не оговаривают вообще, да и вряд ли ревнивое христианство могло породить внутри себя такое явление, как божница, столь насыщенное чуждыми ему магическими аксессуарами. С другой стороны – археологические находки, о которых речь еще впереди, едва ли не вся этнография, а равно и параллели из традиций дохристианских и нехристианских народов¹,

¹ В качестве контрастного примера можно указать хотя бы такой: «У кабардинцев почетным является место, наиболее удаленное от входной двери. Его занимает самый старший по возрасту» (Сулименко С.Д. Башни северного Кавказа. Символизация пространства в домостроительном творчестве горцев. — Владикавказ, 1997, С. 43). Почетное место — красный угол — у славян точно также отнесен от дверного проема как можно дальше.

свидетельствуют о том, что представление о красном углу было выработано не христианами и задолго до появления их религии. Можно процитировать: *«Сведения о наличии **красного угла** в древнерусской традиции исследователи относят ко времени не позже XIII в. Однако красный угол как место локализации домашних божеств мог сакрализоваться задолго до принятия христианства»* (Криничная, С. 29), *«Принято считать, что **красный угол** появился в крестьянских избах еще в глубокой древности. М.Г. Рабинович относил его возникновение к XIII в., а А.К. Байбурин, видимо, даже к X-XI вв. В подтверждение этой версии исследователи ссылаются на известную работу П.А. Раппорта о древнерусском жилище, причем на то ее место, где говорится, что печь у русских стала располагаться у входа в X-XI вв. /.../ Существует версия и более раннего происхождения красного угла, согласно которой он является наследием язычества. Эту гипотезу в разное время высказывали различные исследователи, в том числе и такие известные ученые, как Б.А. Рыбаков и А.А. Шенников»* (Слудняков, С. 254), *«До принятия христианства **большой угол** в избе служил, скорее всего, местом почитания домашних духов, поэтому многие из предметов, которые хранились в божнице, имели явно языческую символику»* (Логоинов 1992, С. 105). Безусловно, это так, и мы в дальнейшем максимально подробно рассмотрим весьма далекий от христианства набор предметов, собранный на божнице.

Почему дохристианская божница—место, где в языческое время стояли небольшие изваяния Богов, не исчезла после «крещения Руси», легко объяснимо. Она как данность – необходимость верующему человеку иметь в доме объект и место для отправления культа – не противоречит христианской доктрине, потому и сохранилась от давних времен. Несколько передвижек на божнице, поставлены три-четыре иконы вместо изображений Богов, –и вот уже готова картина «сусально-христианская исконно-православная Русь-матушка». К этой мысли отечественные исследователи пришли еще в пору становления этнографии как науки: *«нельзя сомневаться, что в более древнее время место их (икон,—Б.М.) заступали*

священные изображения пенатов»(Афанасьев2, С. 118). Замена оказалась чисто формальной, и по факту совершаемых перед божницей обрядов, хранимых на ней предметах, отношением к ней божница остается всё тем же языческим домашним святилищем, что и до насаждения христианства. Если на то пошло, то даже иконы, занявшие место изображений Богов, такая, казалось бы, несомненно, христианская вещь, именно в этом случае исключительно христианскими предметами не являются. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на то, как народ обращался с иконой, как ее именовал и воспринимал. Иконы заменили на божнице прежние изображения Богов не столько в плане вероисповедальном, сколько по сути, просто заняв их место и переняв на себя все функции, все положенные обряды, моления, украшения и подношения. Переняв даже само имя Богов! Для простого селянина икона – не отвлеченное изображение Бога или святых, но вполне предметное воплощение Божества, Бог в малости. Тут давайте обратимся к примерам, историческим и языковым.

Весьма много таковых приводит в своем уже ставшем классическим труде Б.А. Успенский, открыв тему недвусмысленными словами: *«Наименование икон «богами» достаточно обычное явление на Руси»*(Успенский, С. 118). Задолго до него вопрос затронул А. Балов: *«До сих пор простой народ во многих местах называет иконы «богами», а полку, на которой помещаются иконы, «божницею». «Всех Богов с божницы снимет», говорит народная пословица о человеке, который любит кстати и некстати «призывать имя Божие всеу»»* (Балов, С. 218), вологодские крестьяне под большой праздник могли заменить обыденные иконы на божнице иконами праздничными, более дорогими, яркими, при этом, оценивая свои старания, говорили: *«Ну теперь заправскёй праздник, не стыдно и крештоным зайти: богов переминили, всяково места напашено»* (Тенишев 5/4, С. 290). Но вернемся к Б.А. Успенскому: *«Анонимный английский автор (из окружения А. Дженкинсона), оставивший описание России середины XVI в., писал по этому поводу: «Во всей стране [России]*

нет ни одного учителя для наставления народа, так что многие, большая часть бедняков, на вопрос «сколько богов» – ответила бы «очень много», так как они считают всякий имеющийся у них образ за бога». /.../ Отметим, что сакральные изображения, по-видимому, могли называться «богами» и у южных славян. /.../ См. также записанный Бодуэном (1904) у терских славян рассказ о том, как некий капеллан «продавал богов (*boğe prodáju*)»; А. Марков (1907) считает, что здесь имеются в виду изображения святых, т.е. слово «бог» употребляется в таком же значении, как в русском языке» (Успенский, С. 118-119).

И далее любопытная деталь, напрямую связываемая исследователем с древней верой славян: «Весьма показателен в этом отношении обычай поклоняться только своим иконам, который восходит к обычаю поклоняться своим богам (идолам) в языческом культе (ср. в этой связи пословицы явно языческого происхождения: «Чужих богов шукае, а своих дома мае», «На що ты другого бога взываешь, коли свого маешь», «Где жить, тем богам и молиться» и т. п.). Этот обычай сохранялся еще в XVII в. Майерберг, посетивший Россию в 1661 г., сообщает, что каждый помещал в церкви свою собственную икону и во время богослужения только перед ней ставил свечи и только ей молился. Если владелец иконы заставал перед ней кого-нибудь за молитвой, он говорил: «Заведи себе сам какого-нибудь бога и молись ему, сколько душе угодно, а чужими не пользуйся!»» (Успенский, С. 182), «Анонимный польский автор, оставивший описание московского восстания 1682 г., сообщает, что в правление царя Федора Алексеевича «предполагалось выбрасывать из церкви те иконы, которые каждый из них [русских] считает своим Богом и не позволяет никому другому поклоняться и ставить зажженных свечей» (Дневник избиения московских бояр)» (Успенский, С. 183). Вариант описанного выше поклонения «своему Богу» до недавнего времени сохранялся в свадебном обряде: «интересный ритуал, сохранивший отголоски веры в покровительство родовых Богов, записан в Мещере: во дворе невесты раздается громкий возглас: «Господа

поезжане, помолитесь нашему Богу» – и в прорубленное в сенях окно показывает икону; также все поезжане молятся в доме молодого» (Самоделова 1993, С. 222-223). При этом молодая берет с собой в дом мужа как приданое Бога-икону, которым ее благословили перед поездкой к венцу (молодые *«поедут, значит, в церкву, богом благословят»*) (Востриков 3, С. 133)), чтобы прибавить на семейную божницу своего личного Бога-покровителя, пената.

Это было самым настоящим язычеством, и уж если церковь не стала или не смогла бороться с божницами, то с «неблагочестивым» отношением к иконам она попыталась – хотя и безуспешно – состязаться, совершенно справедливо полагая «неподобающее» именование образов явным свидетельством крестьянского многобожия: *«со второй половины XVII в. обычай называть иконы «богами» осуждается русской церковью как языческий или еретический. Собор 1667 г. специально отмечает, что «не искусни людие своя си іконы боги своя именууютъ, чесо ради явствуются не знати единства Божія, паче же многобожіе непщевати»* («Деяния соборов 1666 и 1667 гг.»). Соответственно в XVIII в. на исповеди могли спрашивать: *«Образы святыя богами не называешь ли?»* («Книга об исповеди, избранная от разных книг», рукопись начала XVIII в.). В «Последовании о исповедании» Гавриила Бужинского подчеркивается, что тот, *«хто іконы святыя богом называетъ, и на нихъ надеется какъ на бога»*, погрешает против второй заповеди, т. е. является идолопоклонником: *«іконы зделаны, и переносятца с места на место, и поставляютца руками человеческими, и подлежатъ всякому тленію, гнилости и огню и хто такую вещь тленную называетъ богом и на нее надеется, тотъ велми согрешаетъ»* (Гавриил Бужинский, 1723)» (Успенский, С. 118). Феофан Прокопович, сетуя на прегрешения паствы, среди прочих упоминает как раз это: *«боготворити иконы»* (Смилянская 2006, С. 22). Одними выговорами с амвонов и выспрашиваниями в исповедальне дела заканчивались не всегда. В 1735 г. крестьянин Петр Иванов был наказан «гражданским наказанием» за то, что *«икону Богом назвал»* (Смилянская, С. 215). Но, как уже говорилось,

борьба была пустопорожней, о чем свидетельствует обильный языковой материал, собранный в наше время для диалектных словарей русского языка². Иконы как называли, так и продолжали называть по старинке: «бог», «божество», «боженька», «божка», «божечка», «боженёнок», «богушко», мн. «боги», «боженки», «богушки», «боженята», и даже икона Богоматери обыденно именовалась «богом» (СРНГ 3, С. 41)³, что непосредственно связано с обычаем языческих славян данным обобщенным термином именовать не только Богов, как силы, которым они поклонялись, но также их небольшие изображения, используемые в домашней культовой практике. На вопрос собирателя, как информантка обращается к иконе Иисуса, был получен ответ: «*И вы, боженьки, спасите, сохраните*» (Ляхова). Составители диалектных словарей совершенно верно использовали для слова «бог/боги» с таким значением написание не с заглавной, а со строчной буквы. Именно так оно и должно было восприниматься нашими предками—без особого пиетета, связанного с понятием «Бог/Боги». Изображение Бога— это еще не сам Бог. С этим как раз сильно промахнулись «крестители Руси», разрушая языческие капища. Они уничтожали лишь дело рук мастерового человека («языческую прелесть», так сказать), но, разумеется, никак не самих Богов. Богов этим даже не осквернить.

Совершенно по-язычески, без упомянутого трепета, который, казалось бы, должен был ощущаться по отношению к церковной освященной вещи с изображением персонажей христианской мифологии, селянин относился к своим домашним иконам. Нет, он молился перед ними в положенное время, приносил дары, украшал и очищал их, активно использовал в магической практике, но при этом рациональный подход к святыне никуда не девался. И если икона не

² Большая часть словарного материала по теме вообще, дабы не перегружать основной текст, помещена в Приложении.

³ См. Приложение 1. Ср. у нганасан: словом «*койка*» они обозначают «материальные воплощения второстепенных духов-хозяев», а православную икону нганасаны именуют «*русским койка*» (Попов 1984, С. 66).

помогала, значит, это была плохая икона, плохой бог, которого следовало приструнить, как это делали с расшалившимся домовым. Дух духом, но если домовый, которого кормят со всем почетом и уважением, которого стараются не спугнуть и не ходить в неурочное время в те части жилища, где он любит показывать, вдруг начинал хулиганить, то ничто не мешало домохозяйину наказать его, отхлестав кнутом, вымазанным в дегте (РДС, С. 142-143). Икона также могла быть наказана, выходя в глазах обычного крестьянина, самоценной сущностью⁴, а уж никак не изображением сцены из евангельских событий. Ее могли высечь, выставить под непогоду, выколоть глаза, расколоть и даже просто уничтожить, если молитвы, к ней обращенные, были напрасны и семью поразили несчастья. *«По свидетельствам иностранцев (Олеарий и др.), в случае невыполнения обращенной к святому просьбы русские применяли наказание иконы – битье (ср. сюжет «Наказанная икона», СУС 849** (бел.)⁵, рус. поговорку «Взять боженьку за ноженьку, да об пол»)», т.е. икона воспринималась как своеобразный материальный и одушевленный «двойник» Бога или святого. Отмечены случаи переворачивания икон (туль.), «ослепления», выбрасывания (обворованный крестьянин бросил икону в навоз, сказав: «Я тебе*

⁴ В этой связи интересна быличка, повествующая о некотором самостоятельном поведении икон: *«Случай был у одной женщины. У них сейчас нет никого, все уже умерли. У них из дома просто ушли иконы. Никто не взял, никто ничего — ушли иконы из дома. Его запирали все время на замок. Не то они не веровали ёму (Богу, — Ю.Ш.), а ушли и все»* (НХЛ, № 77).

⁵ Наказание проштрафившейся иконы в упомянутом тексте выглядит так: *«Мужык плюнуў у жменью, выразаў добру паліску (палку, — Б.М.) і давай лупіць святаго угодніка»* (Пяткевіч Ч. Рэчыцкае Палессе.—Мн., 2004, С. 442). Также стоит привести пример сюжета СУС 849* «Крест (образ) — порука». Бедняк берет у богатого денег взаймы, клянясь перед иконой Христа или Николая, что непременно вернет их. Может прозвучать даже прямое поручительство: *«Я тебе принесу в поручители Спасителя, русского Бога (то есть, икону)»* (Садовников Самара, № 101), *«Отдам, за миня Никола поручитце»* (Смирнов А, № 51). Не получив обещанного, богач угрожает «поручителю»-иконе: *«Давай гроші, а то очі повяколюю, бо ти-ж ручався за старого»* (Успенский, С. 93); должник помирает, и тогда богач негодует: *«Исколю, говорит, образ Николая Чудотворца, пускай моя мерка пропадает!»* (Соколовы, № 38).

молюсь, а ты меня от врагов не оберегаешь»), сжигания» (СД 2, С. 401). Известны примеры, когда крестьяне, находясь в состоянии эмоционального стресса от навалившихся на них бед («в сердцах»), уничтожали иконы доступными способами: «В 1611 году шведский полководец Делагарди занял Новгород, причем все было предано огню. Один русский, желая спасти свой дом от разрушения, выставил икону св. Николая и молился перед нею, чтобы его дом был спасен от пожара. Молитва не была услышана, пожар скоро охватил его дом. Обманутый в своих надеждах, раздраженный хозяин иконы бросил ее с досады в огонь, сказав: «Ты не хотела помочь мне, теперь помоги себе самой!»» (Русинский, С. 78-79).

Языческим является и другой подход, но уже к иконам, служившим верой и правдой, помогавшим людям в ответ на их просьбы. Их украшали дорогими вещами, делали к ним «привесы», собственно – приносили жертвенные дары в благодарность за помощь, что совершенно не вяжется с христианскими установками и является с точки зрения христианского культа подлинным идолопоклонством: «известно о достаточно широко распространенной традиции украшать иконы ризами, вешать на иконы заветные вещи: кресты, бусы, кольца, платки (если болит голова), отрезы (если болит тело), чулки (если ноги болят), ленты и т.п.» (Лаврентьева, С. 344), «Подоснова этого обряда не вызывает никакого сомнения – он смыкался с фиксируемой этнографическими наблюдениями традицией привешивать к иконам «серебряные, жестяные или вышитые изображения частей тела, об исцелении которых молились (вотивные подвески или заветное шитье), а также одежды с больной части тела». Тем самым, привесы являлись выражением обета, тем, что паломник приносил с собой к святыне» (Лавров, С. 410). Да, обычное жертвоприношение. Что важно для нашей работы, это делалось не только в церквях: пищевые жертвоприношения (чему в дальнейшем будет дано немало примеров) ставились на божницу в домах частным образом; известны также редкие случаи поднесения на божницу и других даров, тех самых «привесов». В 1722 г. Петр I издает указ, согласно

которому полагалось бороться с этим языческим ритуалом: *«отныне впредь во всех Российскаго государства церквах привесов к образам, то есть золотых и серебряных монет, и копеек, и всякой кузни, и прочаго приносимого, не привешивать»* (Лавров, С. 410)⁶. Среди украшений-пожертвований можно выделить предметы явно языческого происхождения: *«цаты (подвесные лунообразные подвески) или лунницы и гривенки. Обычно у образа могло быть по одной цате и до нескольких гривенок, причем для последних к образам могли присоединяться даже «пруты»»* (Лавров, С. 411). Иеродиакон Савватий (Иванов), в 1723 г. посетивший посадскую церковь в Коломне, в ужасе писал об увиденном им едва ли не языческом идоле с положенными ему от богомольцев дарами: *«усмотрил на правой стороне местной образ Николая Чюдотворца резной бошой, на главе онаго образа Николая Чюдотворца шапка деревянная опушена горностаем белым, /.../ и вокруг оная шапка низана жемчюгом средним и мелким»* (Лавров, С. 423). Когда священника этой церкви Прохора Спиридонова отправили на допрос, судья-иеромонах отнюдь не случайно бросил ему обвинение: *«Что де вы кланяется болвану»* (Лавров, С. 424). Ну и возвращаясь к сказанному о домашних иконах и даров к ним. В материалах следствия есть дело вдовы Марии Степановой 58-и лет от роду, привлеченной к суду в 1738 г. за хранение в доме «чудотворной» иконы Казанской Богоматери и принятия для нее

⁶ Запрет, естественно, ни к чему не приведший. В 1877 году Этнографический отдел Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии слушал доклад А.И. Кельсиева: *«В бытность в г. Архангельске внимание докладчика было привлечено продаваемыми на рынке серебряными фигурами местной работы. Это так называемые привесы к иконам. Заболит у благочестивого человека глаз, грудь, нога, разнежится его скотинка, он покупает у торговки изображение страдающего предмета, а в горе покупает просто «серебряное сердце», вешает попку на розовой тесемочке к чтимой им иконе и затем терпеливо ожидает облегчения. Обычай этот весьма распространен в Архангельской губернии и старинные иконы увешаны такими ex-voto. При этом референт представил 17 изображений, носящих названия: женский человек, мужской человек, просто человек (дитя), грудка, головушка, глазок, коровушка, лошадка. Все эти фигурки замечательны архаизмом очертаний»* (Протоколы заседаний Этнографического отдела // Труды ЭО ИОЛЕАЭ. Т. VII. – М., 1886, С. 2).